

ЛЕБЕДИНАЯ

Стелился берег гладью у реки,
И был песок легко окрашен красным,
И возвышался глянцевый закат
Над этим днем, безжалостно ужасным.

Бежала, спотыкаясь, птица вдоль,
Сверля глазами линию канала.
И вязла лапа птицы на песке,
Но грудь ее вперед еще толкала.

Взлетай же, дура! Капли эти — ложь,
Хоть ощутимо смачивают перья.
Покуда ты бежишь, ты и живешь.
Бегущий в свою смерть еще не верит.

Лети, родная! Это — все, что есть.
Последний акт сопротивления тела
Сведению на нет. И боже мой!
Безумное пернатое взлетело.

И курс ее надежд не подавал.
Подбитое крыло кренило на бок.
Но Бог еще пока ей помогал.
Возможно, Богом выступал ей навыв.

Безумное пернатое, лети!
Лети еще. По той простой причине,
Что это путь последний. Что, увы,
Ты приземлишься по своей кончине.

Летит еще. И крик ее — не песнь! —
Как будто демонстрирует победу
Над всей материей покинутой земли,
Как не приснилось бы искусствоведу.

Еще летит... И крик ее — не песнь! —
Взвывается над берегом и лесом.
Еще летит... Она умрет не здесь.
Но в этот миг крик обратится в песню.

ЮНОСТЬ

Тихим вечером в парке, сошедшим до слова нет,
Надломившейся волей, последним ударом в пляс
Юность тоже уходит куда-то во тьму, мой друг,
Она тоже бывает когда-то в последний раз.

Только точки не сыщешь: удар по щеке, салют,
Диалог под окном с сигаретой в хмельном бреду...
— Меня малость пугает, что есть эта штука — смерть...
— Как наступит твоя — обязательно не приду...

Я спешил на перрон, и звезды валились вниз,
Будто слезы мамы, когда сын преступил порог...
— Я тебя не любила, не строй из себя дурака!..
До какой-то поры это все, что я строить мог.

Когда поезд уходит — по рельсам стучит вагон.
Ты бы мог различить в этом шуме последний стук?
Как-то так испаряется в сумраке юность твоя.
Она тоже тебя покидает как будто вдруг.

Тряханешься за шиворот, вспомнишь — я был людим,
И гитара играла на крыше, лилась луна,
В перепонках шумел подростковый пустой испуг...
Ты, как все невесомое в мире, была одна.

Сыпят ворохи писем безжизненным грузом дней:
«Потому что ты есть человек, ты и есть мне брат...»,
«Я устала от жизни и жду нашей встречи скорей...»,
«Обойдемся с тобой как-нибудь без душевных траг...».

То ли день, то ли ночь, то ли мелко поет соловей.
К описаньям среды я совсем потерял талант.
Это юность моя растворилась среди людей,
Эти литеры отзвук, летящая пуля-квант.

Тихим вечером в парке, сошедшим до слова нет,
Суею на перроне, звездой, угодившей вниз,
Пересылкой любовной, другим ли каким путем,
Я курю под окном, призываю тебя: вернись!

Когда в серую хмарь отдаляется человек,
Ты бы смог угадать, когда он пропал во мрак?
«Я, признаться, совсем позабыл, что такое бег...».
О, мой мертвый товарищ, да, юность уходит так!

* * *

Догорает огонь, и сгорает в ночи звезда,
Как небесный маяк, намекая, что кончен путь.
На вокзале на миг призатихли все поезда.
Отчаянье — штука такая. Не обессудь.

Я мог предложить сорвать одеяло сна,
Сорваться в любой сумасшедший и долгий путь.
Догорает огонь, и гаснет в ночи звезда.
Отчаянье — штука такая. Не обессудь.

Давай занавесим окно плотной тканью портьер.
Давай, наконец, посидим в темноте, в тишине.
Спираль переломанных чувств, слизнув интерьер,
Оборвалась на пике. Закончилась на вышине.

Спружинив остаток, сливая в себя алкоголь,
Срывая, как платье при страсти, последний азарт
И глядя, как догорает последний огонь,
Ты резко и прямо посмотришь в мои глаза.

Улыбка скомкает уродливый недоитог,
С уставшего неба спикирует вниз звезда.
Не нужно загадывать то, чего сам не смог.
На вокзале очнулись и тронулись поезда.

* * *

Убегай от холста. Он заставит тебя побеждать.
Поломай свои краски и кисти, беги из квартиры.
За скрипучей входной ожидает щербатый подъезд,
А за ним — и все происки глупого внешнего мира.

Убегай от холста, победи свою светобоязнь.
Ощути безграничность пустого осеннего неба.
Усмехнись про себя, в дальний угол маршрутки садясь,
Осязая различность создателей зрелищ и хлеба.

Убегай от холста. Он замучил тебя. Разобрал.
Он простой эгоист, он всегда намекал на первичность.
Вспоминай, как от боли бесшумно дрожали уста,
Когда ты по нему распинал свою жалкую личность.

Убегай от него. Он — Отец, Святой дух и Иса.
А они все втроем не жалеют избранных текста.

За Голгофой, как правило, следуют только кресты.
Собирайся больным, покидай это страшное место.

В полуночной тиши, непонятно куда и зачем,
Только холод ключей ощущая продавленной кожей,
Откажись от холста. Он заставит тебя побеждать.
Откажись, идиот, побеждать здесь уже невозможно.

НА СМЕРТЬ ДРУГА

Давай еще пройдем последний раз
По этим улицам: зеленые до черта!..
Давай еще поговорим о чем-то.
Господь с тобой, давай в последний раз.

Воротишься на родину, а толку?
Возьмешь вина, найдешь тетрадей стопку.
Утраты есть, да сил уж нет писать.
Потянешь корешок — наивность это:
«Ты изводила, мучила поэта»,
«Мы пропили и жизнь свою, и лето»...
И в стыдных чувствах отшвырнешь тетрадь.

Я врал, наверно. Мелочность трагедий
Иной раз тянет на сюжет комедий...
А нынче больно, пусто и паршиво,
И отчего-то нечего сказать.
Прошу тебя еще в последний раз.
Раздавим пиво, просидим до ночи.
Ты — жалуясь на голову и почки,
А я на то, что хочется поспать...

Непринужденно, не подавши виду,
Что ты на все уже таил обиду
И что, как только я отсюда выйду,
Ты бросишься в петлю, а не в кровать.

ПУТЬ

Все равно гореть, все равно бежать,
Все равно решать, все равно дышать.
Несмотря на ночь, несмотря на смерть.
Несмотря на жизнь, несмотря на свет.

Мимо хладных рук, мимо теплых стен,
Мимо бледных лиц и постельных сцен.
Мимо глупых сплетен дурных персон,
Добрим словом упомянув один лишь сон.

Мимо громких успехов и больших побед,
Потому как их на поверку нет.

Мимо детских травм, а точнее — чрез,
В эту точку, где каждый, увы, исчез.

«Все равно! Все равно!» — повторяя вновь,
Чтоб в себе успокоить живую кровь.
Мимо денег, свободы и всех вещей
В этот день, где не быть ничему вообще.

* * *

Осталось ли еще вперед бежать
И восклицать, и петь в трактире песни?
Осталось ли еще звезду терять?
Нет ничего больнее и прелестней.

Осталось ли свободы на глоток?
Осталось ли прибыть на полустанок,
Плеваться в номере на белый потолок
И со слюною выпадать в осадок?

Осталось ли сказать взамен мольбы:
«Прости... прощай...». Мы люди, нам полезно ведь.
Осталось ли еще смотреть в гробы
И вместе с этим молча соболезновать?

Осталась ли осенняя пора?
Как коротка последняя дорога.
Могилы нынче роют трактора.
Наверно, умирают нынче много.

Осталось ли еще: волненья дрожь
На пальцах рук, снежинки на ресницах?
Осталось ли еще, мой милый друг,
На этом свете заново родиться?